

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История древнего мира. Учебник для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. Учпедгиз, М., 1952, 782 стр., 50 000 экз., цена 17 руб. 85 коп.

Выход в свет учебника под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского привлек к себе внимание широкой исторической общественности. Учебник вызвал большой интерес прежде всего потому, что он вышел в свет спустя два года после открытой дискуссии по вопросам языкознания, ознаменовавшей собой новый, более высокий подъем советской науки. В этой связи важно было определить, насколько авторы учебника отразили в нем сдвиги, происходящие за последние годы в советской историографии.

Кроме того, в этом учебнике впервые сделана попытка представить в рамках одной книги весь курс древней истории от палеолита до возникновения феодализма. Таким образом, перед авторами учебника стояла сложная и ответственная задача строгого отбора фактического материала с тем, чтобы, сохранив надлежащую пропорцию между отдельными разделами курса, включить в учебник все наиболее важное и одновременно осветить в нем последние достижения археологии и исторической науки.

Наконец, авторы учебника обязаны были учесть результаты широкого обсуждения ранее вышедших в свет учебников по истории Греции и Рима.

В общем необходимо сказать, что некоторые достоинства учебника — доступность изложения, местами яркий и образный язык, новая постановка ряда вопросов — теряются среди его многочисленных и серьезных недостатков. Основными недостатками учебника следует считать то, что в нем только поверхностно использованы положения дискуссии и труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также то, что в нем недостаточно и в ряде случаев неправильно охарактеризованы закономерности экономического развития рабовладельческого общества. Совершенно неудовлетворительно написан важный раздел эллинизма. История политической борьбы в Риме в I в. до н. э. излагается с весьма спорных, иногда модернизаторских позиций. В учебнике В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского абсолютно не учтены важные результаты последних 25 лет археологических раскопок в странах древнего Востока и в Греции; не выдержаны надлежащие пропорции между отдельными разделами, причем примерно половина всего листажа отведена истории Рима. Неудовлетворительно освещена историография отдельных разделов, ряд спорных положений преподносится в аподиктическом тоне. Некоторые главы по истории Греции написаны не по источникам, а компилированы из неудовлетворительных пособий. Абсолютно недопустимо для учебника громадное количество фактических ошибок и опечаток, особенно в разделе о древнем Востоке. В учебнике встречаются методологически неправильные формулировки. Редактирование учебника проведено неудовлетворительно.

Отмеченные выше серьезные недостатки заставляют сделать вывод о том, что учебник для учительских институтов под редакцией В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского в его настоящем виде не соответствует тем высоким требованиям, которые предъявляются к учебным пособиям.

Учебник широко обсуждался в Ленинградском и Московском университетах, а также в Академии педагогических наук. К сожалению, до сих пор не было проведено обсуждение учебника в Институте истории АН СССР. Для того чтобы с максимальной

полнотой оценить содержание учебника, редакция ВДИ сочла целесообразным поручить рецензирование отдельных разделов учебника соответствующим специалистам. В настоящем номере публикуются рецензии А. Я. Брюсова, Г. А. Меликишвили, Г. Ф. Ильина и С. И. Ковалева; рецензенты в основном обратили внимание на моменты, которые в той или иной степени не подверглись достаточному анализу во время обсуждений; кроме того, редакция дает в «Хронике» развернутое сообщение об обсуждении учебника в научно-педагогических учреждениях Москвы.

Редакция ВДИ

В советских учебниках по древней истории совершенно необходим раздел по истории первобытно-общинного строя. В этом разделе должна быть изложена марксистско-ленинская концепция первой, еще доклассовой, общественно-экономической формации, основанная на анализе достижений археологии и других дисциплин. Особенно большое значение для научного понимания первобытно-общинного строя имеет гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором решены многие узловые вопросы истории древнейших периодов жизни человечества. Одним из вопросов, неразрешимых без анализа истории первобытно-общинного строя, надо считать вопрос о возникновении государства. В своей знаменитой лекции о государстве В. И. Ленин говорил, что вопрос о государстве является основным, коренным вопросом всей политики и что «для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось»¹. Поэтому понятно, что в учебнике истории древнего мира анализируется эпоха первобытно-общинного строя, в недрах которого возникли древнейшие государства.

Но нам кажется, что не следовало начинать изложение с нижнего палеолита и стараться вместить всю древнейшую историю человечества в 50 страниц текста. Вписав всю историю первобытной общины в эти немногие страницы, авторы не избежали существенных пропусков. Поэтому раздел о первобытно-общинном строе оказался мало конкретным, схематичным. Нет органической связи между этим разделом и последующими, в которых речь идет о конкретных государственных образованиях. Поэтому во всех дальнейших разделах авторам приходится снова обращаться ко времени разложения первобытно-общинного строя. При последующем издании этого учебника целесообразнее посвятить первый раздел только предпосылкам образования первых рабовладельческих государств на Востоке и на юге Европы, по возможности конкретизируя изложение и избегая сомнительных параллелей из этнографии отдаленных стран. Ведь Ф. Энгельс, указывая, что «... с наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков... население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий»². Поэтому параллели с историей племен Новой Мексики, северо-запада Америки, дагомейцев, папуасов, бушменов, огнеземельцев и других малоубедительны для истории образования государств древнего Востока, Греции и Рима. К тому же для всех этих стран, уже начиная с позднего неолита, в настоящее время имеется достаточно местного археологического материала. На его основе вполне можно показать, как развивались производительные силы и соответствующие им производственные отношения, как возникали предпосылки к образованию классового общества и государства. Такая структурная переработка первого раздела сделала бы книгу более цельной и дала бы возможность полнее и конкретнее

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 435 сл.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 22 сл.

изложить сложные и разнообразные моменты в развитии производственных отношений в период разложения родового строя.

Перейдем, однако, от того, что было бы желательным, к первому разделу учебника в том виде, как он изложен авторами. Древнейший период в жизни человечества авторы называют эпохой «первобытного стада», ссылаясь при этом на В. И. Ленина. Однако из контекста той фразы, где В. И. Лениным употреблено такое выражение, не вытекает, что он прилагал этот термин к человеческому обществу¹. Впрочем, дело не столько в термине, сколько во вкладывавшем в него содержании. По мнению авторов, люди эпохи «первобытного стада» «жили обычно на деревьях, лишь время от времени спускаясь на землю» (стр. 18), орудием им служило только кремневое рубило, не было «ни брака, ни семьи, господствовал промискуитет, т. е. неупорядоченное половое общение» (стр. 19). Оставляя на совести авторов утверждение о жизни шелльцев и ашельцев на деревьях, надо заметить, что для этого времени неверно предположение о существовании якобы единственного типа орудия, шелльского или ашельского ручного рубила². Что же касается промискуитета, то авторам совершенно необходимо было не обрывать фразу, а продолжить ее указанием Ф. Энгельса (ук. соч., стр. 34 сл.) на то, что неупорядоченные половые отношения этого времени означают только то, что не было ограничительных запрещений более позднего времени, но отсюда вовсе не следует заключать о неизбежности беспорядочных сношений в повседневной практике. Без такого разъяснения становится непонятным и необъясненным, почему позднее «люди постепенно переходят к запрещению брачных связей внутри данной группы» (стр. 27).

По мнению авторов, даже в эпоху верхнего палеолита люди оставались бродячими охотниками (стр. 27). Они утверждают (насколько это можно понять по приводимому ими сравнению верхнепалеолитических людей с австралийцами), что только в верхнем палеолите создалась «относительная (только еще относительная. — А. Б.) связь с определенной территорией» (стр. 27).

В добавление к этим чертам «первобытного стада» авторы утверждают, что человек был тогда лишен абстрактных понятий. «Особенностью первобытного мышления, — пишут авторы, — является его коллективность, стадность» (стр. 22). Только в самом конце раздела, перечислив достижения человечества ко времени развитого неолита, они говорят, что «... все это расширяло производственный опыт человека, обогащало человеческое мышление. Совершенствование человеческого мышления приводило прежде всего к появлению абстрактных понятий» (стр. 52). Впрочем, авторы не уточняют времени этого события.

Неудивительно, что при таких взглядах на ранний этап развития человечества авторы не смогли дать в этом разделе общей характеристики первой общественно-экономической формации. Это понятно, потому что то содержание, которое они вложили в термин «первобытное стадо», исключает возможность объединения такого состояния человеческого общества с последующим этапом развитого первобытно-общинного строя. По существу получились две, а не одна формации, а это уже совсем плохо. К сожалению, эта ошибка свойственна не только рецензируемой книге. Однако здесь она особенно выпукла вследствие того, что авторы, совершенно игнорируя достижения советской археологии, по старинке относят родовый строй только ко времени неолита. Между тем считать верхний палеолит эпохой стада не решает сейчас никто из специалистов по древнейшей истории человечества.

На следующих страницах, посвященных «первобытной общине эпохи матриархата» и «возникновению патриархальной родовой общины и разложению родового строя», мы находим все те же малоубедительные сопоставления древних племен Европы и Востока с современными племенами отдаленных стран, живущими в совершенно

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 361; ср. т. 35, стр. 93.

² См., например, С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии, т. XVI, М., 1951.

других условиях. Кроме того, и в этой части имеются многочисленные погрешности, благодаря которым создается неверное представление о жизни неолитических племен. Так, например, неверно, что неолитический человек выезжал на лодках в открытое море (стр. 32); кости рыб и морских животных на неолитических стоянках принадлежат только прибрежным видам. По единственному случаю обнаружения на стоянке Полуденке следов от тына нельзя заключать, что на неолитических стоянках могли храниться какие-то запасы, которые служили «предметом вождения соседних племен» (стр. 33). Маловероятно объяснение возникновения скотоводства тем, что «загнанные в огороженное место дикие животные могли сохраняться и размножаться» (стр. 34). Травоядные, загнанные в загон, быстро уничтожили бы подножный корм и погибли бы, так как сена они есть не стали бы. Еще труднее заставить диких животных размножаться в неволе. Авторы считают, что медь плавится «при сравнительно низкой температуре и орудия из нее можно было изготавливать в каждом хозяйстве» (стр. 39); но медь плавится при температуре в 1050° — 1300° , достижение чего в «каждом хозяйстве» того времени совершенно невероятно. Неверно также, что охота и скотоводство «первоначально имели ничтожное значение» у трипольских племен; как раз на ранних трипольских поселениях находят большое количество костей и диких, и домашних животных (например, Лука-Врублевцевская). Нельзя согласиться, что анимизм возникает только с эпохи верхнего палеолита, а до того существовал только тотемизм (стр. 55 сл.). Такое противопоставление анимизма тотемизму возможно только в марровской схеме стадияльного развития от тотемического к космическому мышлению.

Все эти и многие другие досадные ошибки авторов учебника сильно снижают значение первого раздела книги и требуют их исправления при последующем издании. а еще лучше, как мы говорили в начале, переработки всего этого раздела. При этом особое внимание необходимо обратить на вопросы экономики первобытно-общинного строя.

А. Я. Брюсов

•

В настоящей рецензии нами будет рассмотрен второй раздел книги (гл. V—XVIII; стр. 59—230), посвященный истории древнего Востока. Автор раздела¹ уделяет много места характеристике социально-экономической структуры древневосточных обществ. Выдвижение вопросов социально-экономической истории особенно сильно чувствуется в главах, посвященных древнему периоду истории Вавилонии. Все же нужно отметить, что, уделяя много внимания производственным отношениям, автор обратил совершенно недостаточное внимание на развитие производительных сил; он нередко довольствуется простой констатацией того, что развитие производительных сил пошло быстрым темпом, вместо того чтобы показать, в чем состояло это развитие. В настоящее время этот важный недостаток рецензируемой работы, а равно и других работ по социально-экономической истории древневосточных стран, становится особенно чувствительным. Изучение производственных отношений, очевидно, должно вестись в тесной, неразрывной связи с анализом развития производительных сил.

Как правильно отмечает автор, советские востоковеды, руководствуясь установками классиков марксизма, «... нашли правильное решение вопроса о типе формации древневосточных обществ. Они пришли к общему признанию, что древневосточные общества... должны быть определены как общества рабовладельческие, т. е. принадлежащие к рабовладельческой формации. Но в отличие от античных обществ, в которых рабовладельческие отношения достигли своего полного развития, древневосточные

¹ К сожалению, из книги нельзя узнать, кто является автором данного раздела, так же как и других разделов учебника.

общества являются обществами ранне-рабовладельческими, в которых рабство в основном не выходило за пределы домашнего рабства и в которых стойко сохранялся общинный быт в форме родовых и сельских общин» (стр. 68).

В самом деле прочность сельской общины, как известно, является одной из главных черт древневосточного общества. Нельзя также преуменьшать то известное явление, что на древнем Востоке объектом эксплуатации являлись не только рабы, но и свободные общинники. Однако, излагая вопросы социально-экономической структуры древневосточных обществ, автор выдвигает на передний план именно вопросы, связанные с общиной и с эксплуатацией рядовых общинников царской властью или знатью. Само собой разумеется, это очень важный вопрос, но, отводя ему непропорционально много места, автор в ряде случаев недостаточно учитывает другие, не менее важные вопросы социально-экономического строения древневосточных обществ. При этом он часто не считается с имеющимся в распоряжении науки конкретным материалом и общими трафаретными фразами постоянно говорит о прочности общины, оставляя в стороне исключительно ценный конкретный материал, освещающий другие стороны жизни общества, например, вопросы, связанные с рабовладением. Особенно рельефно это ощущается в освещении структуры древневавилонского общества эпохи Хаммураби. Автор недостаточно привлекает исключительно красноречивые данные кодекса Хаммураби для иллюстрации положения рабов и противопоставления друг другу двух основных классов вавилонского общества того времени — рабов и рабовладельцев (стр. 95).

Притом автор главным образом стремится показать само существование общин и их эксплуатацию царской властью, обращая мало внимания на процесс внутренней социально-экономической дифференциации мелких производителей, непрерывно происходящий процесс распада которых на рабов и рабовладельцев так хорошо иллюстрируется законами Хаммураби, а также другими документами этой же эпохи. Это тем более непонятно, что сам Н. М. Никольский, один из редакторов учебника, подробно разработал этот круг вопросов в специальной монографии. Автор лишь вскользь упоминает о долговом рабстве в эпоху Хаммураби (стр. 96), причем, как нам кажется, совершенно неудовлетворительно освещает причины этого явления: причины эти он видит в выделениях из сельских и городских семейных общин обездоленных и бедняцких элементов, что, по его мнению, происходило лишь путем «выделения из общин лишних едоков на почве постепенно создавшегося несоответствия между количеством общинной земли и увеличивающимся числом общинников» (стр. 96). Таким образом, причину разложения сельских или семейных общин автор склонен видеть в одном лишь росте числа общинников, что вряд ли правильно. В отношении ассирийского общества автор подчеркивает аналогичное обстоятельство: «в горных областях, — говорит он, — рано проявилось перенаселение; излишнее население вынуждено было уходить из общин на сторону. Эти условия способствовали раннему процессу разложения общинного быта и образованию классового общества и государства» (стр. 168).

Недостаточно использованы также хеттские законы, в которых, кстати говоря, имеются ясные свидетельства о существовании общины, а также ряд других первоклассных источников по социально-экономической истории древневосточных обществ; в то же время автор, даже не имея конкретного материала, часто прибегает к общим фразам с целью подчеркнуть прочность сельской общины в разных древневосточных странах.

С особым усердием он старается отметить это прежде всего в отношении древней Вавилонии, подчеркивая в связи с этим также ограниченные масштабы использования здесь рабского труда. В этом стремлении автор порой доходит до выдвижения явно ничем не обоснованных положений, как, например, что «рабы в Древнем царстве (в Египте. — Г. М.) были гораздо многочисленнее, чем в Двуречье той же эпохи» (стр. 117).

В учебнике вообще часто встречаются лишние обоснования в источниках рассуждения по тем или иным вопросам социально-экономической истории древневосточных обществ. Так, например, касаясь раннего периода существования Урартского царства,

автор заявляет, что урартские «цари захватили в свои руки большие площади земель, которые были розданы храмам, царским сановникам и военным людям» (стр. 179). Сообщение о том, что в Урарту «труд рабов ... применялся ... на разработках медных и железных месторождений» (стр. 181), также не находит подтверждения в источниках. Ни на чем неоснованных предположений имеется не мало и в других случаях, о чем речь будет идти ниже.

Работы И. В. Сталина по языкознанию не только освободили советскую историческую науку от вредных влияний «нового учения о языке» Н. Я. Марра, но открыли широкие перспективы для исследования многих вопросов исторической науки, в том числе вопросов этногенеза. В настоящее время получили право на существование отрицаемые марровцами понятия генетического родства языков, языковых семей и т. д. Поэтому в учебнике следовало дать четкую характеристику языков древневосточных народов, указать, к какой группе принадлежал тот или иной древневосточный язык. Но это далеко не всегда делается в учебнике. Особенно страдают в этом отношении те места книги, в которых речь идет о хеттах, хурритах, урартийцах, о древнейшем населении Ирана и т. д. Следовало также отметить вред, который нанес Н. Я. Марр своими «магическими» упражнениями конкретному изучению ряда древневосточных языков.

В учебнике важно было выдвинуть вопросы, особенно существенные для истории народов СССР. С этой точки зрения обращает на себя внимание полное умолчание о значительной роли скифов и киммерийцев на Ближнем Востоке в конце VIII и в VII вв. до н. э. О походе Дария I против скифов Северного Причерноморья говорится лишь вскользь, притом не отмечается даже, что этот поход окончился поражением персидского царя (стр. 194). Правда, о походе говорится более подробно в разделе «Древняя Греция» (стр. 295 сл.), но все же следовало остановиться на этом событии более обстоятельно и в главе, посвященной Ирану.

Что касается общей структуры всего учебника в целом, необходимо отметить, что раздел древнего Востока, излагающий историю ряда крупных классовых обществ на протяжении нескольких тысячелетий, несомненно, занимает слишком мало места в книге.

В то время как история Востока занимает около 170 страниц, истории Греции и Рима отведено почти 550 страниц. Сто лет назад такая диспропорция могла иметь свое оправдание ввиду недостатка конкретного материала, но в настоящее время отведение Востоку столь незначительного места в курсе истории древнего мира ничем не оправдано.

Может быть, отчасти из этого обстоятельства и вытекает один из серьезных недостатков раздела: немало значительных вопросов оставлено без всякого внимания или освещено явно недостаточно. Это, в частности, можно сказать в отношении источников и историографии. Сведения, указанные в учебнике, могут дать читателю лишь смутное представление об этих особенно важных именно для древнего Востока вопросах. Редко можно встретить в книге упоминание о крупных раскопках, которые сыграли столь значительную роль в накоплении материалов истории древнего Востока. Материал очень важных раскопок даже не привлекается для освещения тех периодов, для которых археологические данные представляют особую ценность: это относится, например, к данным об истории и культуре южной Месопотамии в IV тысячелетии до н. э. и многим другим. Не освещен в учебнике и вопрос о значении произведений античных авторов, как источника по изучению истории древнего Востока. Автор посвящает специальный параграф «источникам истории древнего Востока» (гл. V, § 2), однако в дальнейшем, чувствуя, очевидно, недостаточность данного здесь материала, он возвращается к этому вопросу и при изложении истории отдельных стран. Однако об источниках говорится в введениях к истории лишь некоторых стран (Финикия, Индия, Китай), другие главы лишены вводных источниковедческих параграфов (Вавилония, Египет, Ассирия, Иран и др.).

Столь же неполно освещены географические условия отдельных древневосточных стран: автор специально останавливается на природных условиях некоторых из них

(Месопотамия, Египет, Индия, Китай), но ничего не говорит о географических условиях ряда других стран (Финикия, Палестина, Хеттское царство, Урарту).

В кратком историографическом очерке автор справедливо подчеркивает заслуги советских ученых в изучении истории древнего Востока. Правильно отмечается, что «методологически правильное и плодотворное изучение истории народов и стран древнего Востока началось только в Советском Союзе, в трудах советских востоковедов... Идя таким путем, советские ученые добились крупных успехов, разрешив, в основном, проблему построения истории древнего Востока» (стр. 66). Отмечая значительный вклад, внесенный в изучение истории древнего Востока русскими учеными досоветского периода, автор вместе с тем подчеркивает недостатки их работ, в частности, правильно отмечает, что Б. А. Тураев «... вслед за Эд. Мейером и другими западными буржуазными историками древнего мира признает существование феодализма в государствах древнего Востока и строит свой курс на идеалистической основе, отводя руководящую роль в истории религии и „мудрости“ некоторых древневосточных царей. В то же время он пренебрегает историей эксплуатируемых масс народа и рабов и их борьбы против угнетателей» (стр. 66). Здесь же автор правильно подмечает пороки буржуазной науки о древнем Востоке: подвергнута критике антинаучная циклическая теория Эд. Мейера, отмечается пренебрежительное отношение западных буржуазных ученых к древней истории стран Дальнего Востока — Индии и Китая и т. д.

Однако, говоря о том, что «... в период между первой и второй мировыми войнами в работах буржуазных ориенталистов по истории древнего Востока проявилось влияние расистской теории» (стр. 65), автор должен был также подвергнуть критике антинаучные, ни на чем не основанные утверждения буржуазных ученых о наличии у ряда неиндоевропейских древневосточных народов индоевропейской правящей верхушки. Подобные утверждения встречаются в буржуазной историографии в основном в отношении хурритов, но также и в отношении касситов, урартийцев и др. То, что критике подобных расистских «теорий» не уделено места в учебнике, объясняется отчасти тем, что в книге вообще обращено исключительно мало внимания на историю вышеназванных, а также некоторых других древневосточных народов.

Одним из основных требований, предъявляемых к учебнику, несомненно, является то, что он должен стоять на уровне успехов современной науки, должен в полной мере учитывать то новое, что достигнуто наукой если не в последние годы, то хотя бы в последние десятилетия. Следует сказать, что в этом отношении раздел не стоит на должной высоте. Только в некоторых случаях автор сравнительно широко привлекает результаты археологических раскопок или отдельных исследований последних десятилетий; это, в частности, чувствуется в главе о Финикии. Однако во многих других случаях новые достижения исторической и филологической науки привлечены явно недостаточно. Мы имеем здесь в виду главным образом не отдельные конкретные факты, а один весьма существенный, по нашему мнению, недостаток раздела: в книге уделено исключительно мало места истории хеттов и хурритов, которая столь ярко освещена именно раскопками и исследованиями последних десятилетий. История Хеттского царства (т. е. Малой Азии на протяжении нескольких тысячелетий) занимает в книге всего четыре страницы (стр. 155—159), а хурриты и их могущественное политическое образование Митанни вообще попали в Ассирию. Даже один из крупных хурритских центров II тысячелетия до н. э. — город Нузи (совр. Керкук) автором рассматривается фактически как рядовой ассирийский город (стр. 167, 169).

Основное место (больше половины всего раздела) в учебнике занимает история Вавилонии и Египта. Если в курсах истории древнего Востока, составленных, например, полвека назад, такое преобладание Египта и Вавилонии могло иметь оправдание в том, что тогда достоверно была известна в основном лишь история этих двух стран, то в настоящее время это положение в корне изменилось. По истории хеттов и хурритов собран огромный материал; этим странам необходимо уделить больше внимания и потому, что они, наряду с Вавилонией и Египтом, также играли выдающуюся роль в истории Переднего Востока.

Во время философской дискуссии подчеркивалось, что одним из основных требований, предъявляемых к учебнику, является проверенность и добротность приводимого фактического материала. Следует прямо сказать, что рецензируемый раздел учебника совершенно не соответствует этому требованию.

В учебнике исключительно много ни на чем не основанных суждений, а также существенных фактических ошибок. Вызывает, например, недоумение то место книги, где говорится о расшифровке клинообразного письма (стр. 61 сл.). Автор сообщает, что немецкому ученому Гротефенду «в 1802 г. удалось расшифровать персидское клинообразное письмо мидасанидской эпохи (III в. н. э.)» (разрядка моя. — Г. М.). Общеизвестно, что в сасанидскую эпоху в Персии, так же как и в других местах, клинообразное письмо уже не было в употреблении, и поэтому Гротефенд никак не мог заняться его расшифровкой. Гротефенд расшифровал персидское клинообразное письмо не сасанидской, а ахеменидской эпохи. Здесь же неправильно сообщается, что Раулинсон открыл надпись царя Дария на Бехистунской скале. Автор уверяет, что в этой надписи, которая была составлена «на трех языках — эламском, древнеперсидском и вавилонском», первая часть (т. е. эламская. — Г. М.) надписи была легко прочитана, и «это обстоятельство и дало Раулинсону ключ к расшифровке сначала древнеперсидской, а потом и вавилонской части надписи». На самом деле, дело обстоит как раз наоборот: эламская часть надписи труднее всех читается до настоящего времени, и именно для ее понимания привлекаются легко читаемый древнеперсидский и древнеавилонский тексты.

Автор дальше сообщает, что в Хеттском царстве «рабы восставали против своих господ; одно из таких восстаний произошло в XIII в. после смерти царя Хаттушиля. Тогда „воетали рабы царевичей“, они убивали своих господ разрушали их дома» (стр. 158). Несомненно, здесь говорится о событии, упоминаемом в известном хеттском тексте царя Телпина, в котором мы читаем: «Затем воцарился Хаттусиль. И тогда его сыновья, его братья, его свойственники, люди его рода, а также его воины были объединены... Когда же впоследствии рабы царевичей возмутились, то они начали истреблять их дома и начали предавать своих господ и кровь их начали проливать»¹. Но Телпин, по сообщению самого автора (стр. 156), царствовал около 1535 г. и никак не мог сообщить о событии, которое произошло 250 лет после него, в первой половине XIII в. Автор смешивает Хаттушиля, упоминаемого у Телпина (Хаттушиль I, царствовавший в XVII в.), с известным Хаттушилем III, царствовавшим в XIII в.

Автору известно, что в начале VII в. произошло крупное вторжение скифов, он знает также, что разрушение урартской крепости на Кармир-блуре приписывается скифам, но, неудачно соединив эти две вещи, он уверяет, что крепость Кармир блур пала во время разрушительного вторжения скифов в начале VII в. (стр. 180), в то время как Кармир-блурская крепость в это время, по всей вероятности, еще не была даже построена. Основание ее приписывается урартскому царю Руса II, царствовавшему в 685—645 гг., а Кармир-блур пал вовсе не в начале VII в., а в начале VI в., и его разгром не имеет ничего общего с крупным скифским вторжением начала VII в.

Явно неудовлетворительное представление дает автор об этническом составе населения Хеттского царства: «В той области, — пишет автор, — где сложилось Хеттское царство, жило много различных племен, повидимому, родственного азиатского („азиатического“) происхождения. Господствующее положение занимали хетты... до сих пор не разрешен окончательно вопрос о том, к какой семье народов принадлежали хетты» (стр. 156). Так как, говоря это, автор, по всей вероятности, подразумевает положение во II тысячелетии, то неправильно: 1) что в это время в Малой Азии жили лишь родственные между собой племена «азиатического» происхождения («азиатскими» их никто не называет); наряду с ними здесь жили также племена индоевропейского происхождения; 2) если под «хеттами» автор подразумевает хеттов-неситов, то неправильно, что «до сих пор не разрешен окончательно вопрос»,

¹ И. М. Дьяконов, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ВДИ, 1952, № 4, стр. 255.

к какой семье народов они принадлежали; они, несомненно, были индоевропейцами.

Если под «хеттами» подразумевать все тех же неситов, то, конечно, никак нельзя сказать, что племена, известные под именем субару, или субарейцев» (т. е. хурриты), были «родственные хеттам» (стр. 167). Хурритов (субарейцев) автор иногда вообще смешивает с хеттами; например, говоря о боге Тешубе, автор отмечает, что «Тешуб — бог хеттов, ближайших соседей Урарту на западе» (стр. 182). Хотя Тешуб и почитался у хеттов, но правильнее было бы сказать, конечно, что он был богом хурритов, у которых он считался верховным божеством, тем более, что «ближайшими соседями Урарту на западе» являлись именно хурриты, а не хетты.

Неправильно, что «хеттское письмо было дешифровано чешским ученым Б. Грозным», «после окончания первой мировой войны» (стр. 156). Первая работа Б. Грозного о дешифровке хеттских надписей была опубликована уже в 1915 г. Из стр. 158-й читатель может заключить, что хеттское пероглифическое письмо было в употреблении лишь до Муршилы I (XVI в. до н. э.), в то время как наиболее широкое употребление данное письмо получило позднее, после падения Хеттского малоазиатского царства (XIII в. до н. э.). Неправильно, что о Хеттском малоазиатском царстве имелись упоминания «в надписях ассирийских царей» (стр. 63). В ассирийских надписях имеются сведения о сирийских хеттах I тысячелетия до н. э. Трудно согласовать заявление автора на стр. 63-й, что для истории Хеттского царства «историческая наука до конца XIX в. располагала только материальными памятниками, открытыми в 1830-х годах и в 1861 г., при раскопках древнего хеттского города Хаттушаш», с его же заявлением, что открытие развалин Хаттушаша произошло «незадолго до начала первой мировой войны» (стр. 156).

Неправильно, что «собираение памятников» Урартского царства «было начато только в конце XIX в. западноевропейскими учеными, скопировавшими и издавшими ряд клинообразных урартских надписей области озера Ван» (стр. 63). Урартские эпиграфические памятники успешно собирались уже в 20-х годах XIX в. (экспедиция Шульца). Неточно, что урартские «надписи сохранились до нашего времени в Советской Армении и в районе озера Ван в Турции» (стр. 179). Надписи имеются также на территории Ирана и в других местах Турции.

Явным преувеличением является заявление, что «письменность в Египте появилась очень рано, еще в конце V тысячелетия до н. э.» (стр. 141). Автор здесь некритически повторяет утверждение Эд. Мейера, которое давно уже опровергнуто в современной египтологии. Вопреки утверждению, что «слово „Нубия“ значит по-египетски „страна золота“» (стр. 112), такого слова в египетском языке не было. Страна Нубия называлась египтянами «Куш». Повидимому, опечаткой является заявление, что «... объединение общин... происходит в Египте с начала IV века до н. э.» (стр. 113). Речь идет о IV тысячелетии. Номы Нехебт (стр. 114) в Египте не было; существовал лишь город аналогичного названия. Не было также и города Нут-Амон (стр. 124). Этот город назывался Ниамон или Ниутамон. Мер-Меша (в учебнике ошибочно написано Мер-Мешу) (стр. 128) ошибочно переведено как «командир-солдат» вместо «командир солдат».

В главах об Египте имеется довольно много неудачных и просто ошибочных формулировок. Термин «барщина» (стр. 119), даже взятый в кавычки, создает впечатление, что автор считает строй Египта феодальным. О походах фараона Мины в Синай или Нубию (стр. 122) в источниках не говорится ни слова. Совершенно непонятен перевод «поместья пленных азиатов и негров» (стр. 132).

Автор дает неполное представление о панававилонизме, создавая впечатление, что здесь дело в основном касалось одной лишь астрономии (стр. 109).

В тексте учебника, а также в «Синхронической таблице» не раз упоминается о металлургии железа; подобные упоминания находим мы в связи с Ассирией, Вавилоном, Египтом, но никак не с Малой Азией, именно с которой связывается начало металлургии железа. Одной из причин могущества Ассирии автор считает использование

ассирийцами железных орудий и оружия, что, по его мнению, было обусловлено «наличием в горах Ассирии железа» (стр. 168). Однако Ассирия вовсе не была богата железом, и ей приходилось вести упорные бои, чтобы пробиться к центрам металлургии железа в Малой Азии. На стр. 198-й сообщается, что шумерийцы «перешли к бронзе лишь в III, а египтяне во II тысячелетии», а в «Синхронической таблице» «появление бронзы» в графе Вавилонии датировано «концом IV — началом III тысячелетия (2540—2370)» (sic!), а в графе Египта «ок. 3000—2900».

Неполное представление дает автор читателю о территории распространения субарейских (хурритских) племен, говоря, что они жили «к западу от ассирийских поселений вплоть до Евфрата и по Евфрату» (стр. 167). Во всяком случае, во II тысячелетии хурритские племена были распространены на очень обширной территории, от современного Курдистана до границ Египта (в ряде областей, конечно, не являясь сплошной массой населения).

Неправильно также без всяких оговорок утверждение, что под «хабиру» подразумеваются еврейские племена (стр. 159). Установлено, что «хабиру» — широко распространенный на древнем Востоке социальный, а не этнический термин.

Неправильно утверждение автора, что Урартское государство образовалось в IX в. «в теперешней Армении» (стр. 179). Урартское государство образовалось в районе озера Ван, а территорию современной Арм. ССР урартские цари завоевали и включили в пределы своего царства позднее, в VIII в. Не раз автор говорит о двух государствах — Урарту и Наири, возникших в IX в., которые якобы в середине IX в. были объединены урартским царем Сардури I (стр. 179; «Синхроническая таблица»). Если под «государством Наири» понимать царство Хубушкии, которое ассирийцы в IX в. стали именовать «Наири» (нам неизвестно, что еще можно понимать под этим названием), то объединение его с Урарту никогда не имело места.

На стр. 172-й автор голословно отмечает, что «урартйцы в XI и X вв. также производят вторжения в Ассирию», и отсылает читателя к § 8, в котором мы, однако, читаем прямо противоположное утверждение, что в «XII—X вв. ассирийские цари совершали новые опустошительные и грабительские походы» (стр. 179). Нет ничего в источниках и о том, что Ашшурнасирпал «нанес решительное поражение урартийским племенам» (стр. 172). Следовало сказать, что Аргиштихивици сделался центром северной, а не «всей восточной области Урарту», как это говорит автор (стр. 179 сл.). Бог солнца у урартийцев назывался не «Ард» (стр. 182), а Шивини. «Арди» — старое, ошибочное чтение. Автор повторяет старую ошибку, заявляя, что урартский царь «Аргишти нанес поражение тогдашнему ассирийскому царю»; эта ошибка происходит от неправильного отождествления упоминаемого в летописи Аргишти названия племени *arsitani* с именем ассирийского царя Ашшурдана. Известный религиозный центр урартийцев Мусасир вовсе не находился «на берегу Урмии» (стр. 173).

Неправильно утверждение, что под «страной Парсуа», упоминаемой в ассирийских источниках с IX в., подразумевается иранское племя персов (стр. 187, 188). С персами население Парсуа не имело ничего общего и принадлежало, по всей вероятности, к загро-эламской, а не иранской группе племен.

Иногда автор дает одновременно правильное и старое ошибочное чтение того или иного имени; так, например, на стр. 86-й бог Адад фигурирует в форме Адад-Рамман («Рамман» — старое, ошибочное чтение «Адада»), или же в «Синхронической таблице» имя царя Шульги фигурирует в форме «Шулиги (Дунги)» (последнее слово — старое ошибочное чтение имени этого царя).

Приведенными примерами ни в коем случае не исчерпывается список фактических ошибок, которыми так изобилует раздел книги, посвященный древнему Востоку. Этот список легко может быть увеличен. Отсутствие иллюстраций тоже является одним из серьезных недостатков раздела, так же как и всей книги.

Таким образом, раздел «Древний Восток» страдает рядом серьезных теоретических и фактических дефектов и в настоящем его виде не может служить полноценным учебным пособием для советского студенчества.

Г. А. Меликишвили

Освещению древней истории Китая и Индии не уделялось должного внимания и в ранее вышедших учебниках, что было их крупным недостатком. Почему-то в учебниках по древней истории игнорировался тот основной факт, что общественные отношения, идеология, особенности быта и т. д. у современных народов Китая и Индии неизмеримо более тесно связаны с древним периодом их истории, чем у народов Ближнего Востока: уже по одному этому изучение истории древнего Китая и Индии в научном и политическом отношении является делом более важным, чем истории, например, древнего Египта, Двуречья или Финикии. Но то, что раньше можно было квалифицировать как простую ошибку или недостаток, в настоящее время, в связи с гигантски выросшим удельным весом Индии и особенно народно-демократического Китая, начинает уже граничить с политическим недомыслием. Иначе нельзя расценить тот факт, что истории Двуречья уделено вчетверо больше места (60 стр.), чем Китаю (14 стр.) и Индии (16 стр.). Никто не собирается отрицать значения истории древнего Рима, но тот факт, что этому разделу уделено 346 стр. или в 25 раз (!) больше, чем истории древнего Китая, свидетельствует о том, что европоцентризм в деятельности некоторых наших научных учреждений и издательств преодолевается до сих пор более на словах, чем на деле.

Положение значительно ухудшается еще и от того, что эти главы написаны на невысоком научном уровне. Обе главы не дают ясного представления об основном — о процессе развития рабовладельческой общественной формации от ее возникновения до распада. В обеих главах не чувствуется связь производственных отношений с развитием производительных сил, с ростом производительности труда. Так, основной причиной возникновения рабовладельческого государства в Индии фактически объявляется завоевание ариями дравидов (стр. 201). Периодизация истории Китая дается не по уровню развития общественно-экономических отношений, а по династиям — Инь, Чжоу, Цинь, Хань; периодизация истории Индии вообще отсутствует. Немотивированным является обрыв истории древней Индии II веком до н. э., а древнего Китая — II веком н. э. Читателю приходится думать, что дальше идет уже средневековье, то есть история феодальной общественной формации. Но для Индии это неверно. Кроме того, в тексте обеих глав даже не упоминается об упадке и разложении рабовладельческих отношений, о зарождении феодальных отношений в недрах рабовладельческой формации.

Особенности рабовладельческих отношений в Китае и Индии в учебнике не отмечаются; не отмечена роль пережитков первобытно-общинных отношений; не дана должная оценка тому факту, что различные районы этих стран существенно отличались друг от друга по темпам своего развития. Естественно, что и вопросы классовой борьбы в области идеологии (возникновение и распространение буддизма в Индии, конфуцианства в Китае) также освещены недостаточно. Обращает на себя внимание также неравномерность в освещении различных периодов Индии и Китая; так, важнейшему периоду государства Маурьев посвящено менее одной страницы — в самом конце главы.

Бросается в глаза небрежность автора этих глав. В главе о Китае это можно показать на примере 214-й страницы. В первой же фразе утверждается, что племенные вожди еще в доиньский период назывались «гунами». Это неверно, так как этот термин появляется только во время Чжоу. Несколько ниже хунну отождествляются вообще со всеми северными кочевниками (ср. стр. 212); хунну оказываются, таким образом, основным врагом Китая уже с III тысячелетия до н. э., тогда как на самом деле хунну (древние китайцы называли их «сюнну») появляются только в середине I тысячелетия до н. э.

Далее автор пишет: «Развитие ирригации и непрерывные набеги хунну требовали объединения страны, т. е. Великой Китайской равнины (бассейна реки Хуанхэ). В XVIII в. до н. э. это объединение совершилось под властью гунов племени Инь, превратившихся в государей („ван“ или „ди“). Тут, что ни слово, то ошибка. Никаких данных о развитии в Китае ирригации в первой половине II тысячелетия

до н. э. нет. Великая Китайская равнина отнюдь не то же, что бассейн Хуанхэ. Датировка возникновения Иньского государства XVIII в. до н. э. неоправдана, так как единственно достоверные данные археологических раскопок в Аньяне (надписи на гадательных костях и черепачовых щитках) не позволяют пока датировать возникновение Иньского государства ранее, чем XV в. до н. э. Гуны племени Инь не могли совершить упоминаемое объединение, потому что их не было. По той же причине они не могли превратиться в «ванов» и особенно в «ди», так как термин «ди» впервые употребляется во время Цинь в значении «император».

Несколько ниже автор сравнивает гунов с египетскими номархами. Но, если уж автор настаивает на существовании термина «гун» в иньском Китае, то необходимо было, по крайней мере, объяснить, откуда они теперь взялись, если несколькими строками выше они уже превратились в «ван» и «ди». Далее утверждается, что господствующей формой религии «уже стал культ сил природы, а именно земли, неба, рек, гор». Таким образом, даже горы попали в число сил природы.

Такое количество ошибок обнаружено только на одной странице. Не слишком ли это много для учебника? А ведь во всей главе ошибок значительно больше. Тут и утверждение, что древние китайцы, так же как и современные, не употребляли в пищу молоко (стр. 213). На 216-й странице странным образом утверждается, что племена долины Янцзы «... вынуждены были признать свою зависимость от Китая». Автор говорит, что экспедиция Чжан-Цяня в течение 30 лет изучала Туркестан (стр. 220). А между тем путешествие Чжан-Цяня продолжалось только 13 лет, из них он 10 лет пробыл в плену у сюнну. На той же странице ошибочно утверждается, что при Уди китайские войска доходили до Каспийского моря.

Изобилует фактическими ошибками и ляпсусами также глава, посвященная Индии. Отметим здесь только наиболее грубые: на 194-й странице северо-восточная часть страны характеризуется как напоминающая своими природными условиями Вавилонию и Египет и как отличающаяся засушливостью климата, тогда как на самом деле эта часть Индии является одним из наиболее изобилующих атмосферными осадками районов мира. Автор говорит, что древние индийцы поклонялись предку племенного союза, патриарху ариев — Риши (стр. 201). На самом деле никакого Риши — предка племенного союза и патриарха ариев в природе не существовало. Риши — вообще не собственное имя, а название авторов гимнов Ригведы, прославленных отшельников, знатоков богословия. Способно вызвать удивление утверждение, что Магадха была непосредственно связана с бассейном Южно-Китайского моря (стр. 206). Даже самый беглый взгляд на карту убедил бы автора в неосновательности этого утверждения. На 207-й странице бог Вишну определен как бог добра, а Шива — как бог зла. Определение Вишну, культ которого связан с древнейшими культами солнца, как бога добра, еще допустимо, хотя оно и неточно, что же касается определение Шивы как бога зла, то это грубая ошибка. Сложный культ Шивы связан с древнейшими культами плодородия, с представлениями об извечном процессе рождения и смерти всех живых существ, с поклонением стихийным силам природы; даже слово «Шива» означает «благодетель». На 208-й странице можно прочесть следующее: «Что касается других форм идеологии, то в этот период индийцы уже знали алфавитное письмо...». Элементарный характер допущенной ошибки совершенно очевиден.

В этой же главе содержится много произвольных утверждений, которые не могут быть подтверждены соответствующими ссылками на источники. Таково, например, утверждение, будто бы в Ведах дравиды обычно называются «хитрыми торговцами» (стр. 199), что Ашока сломил могущество брахманов, отняв у них многие их привилегии (стр. 211) и др.

Очевидно авторы, писавшие учебник по истории древнего Востока, не являются специалистами по истории древней Индии и древнего Китая. Но ошибки, встречающиеся в соответствующих главах, слишком элементарны; их легко могли избежать даже не специалисты.

В настоящей рецензии я буду касаться только тех разделов учебника, которые посвящены истории древней Греции и Рима. Авторы этих разделов, в общем и целом, разделяют положения, выработанные советской исторической наукой об античном рабовладельческом обществе. Но, к сожалению, в учебнике далеко не полностью отражены важнейшие положения марксистского языкознания и не освещены важные проблемы этногенеза. В частности, авторы почти совершенно не касаются вопроса о формировании греческих и итальянских племен и образовании из них греческой и римской народности. В тесной связи с этим стоит и проблема складывания единых греческого и латинского языков. В наше время ни один советский историк-античник никак не может обойти эти важные вопросы. В учебнике опущен и вопрос о взаимоотношении базиса и надстройки. Между тем в истории Греции и Рима, равно как и других стран, можно найти бесчисленные иллюстрации взаимодействия базиса и надстройки; к ним относятся, например, влияние рабовладельческого способа производства на формирование афинской демократии и обратное влияние афинской демократии и афинской «архэ» на развитие рабовладельческой экономики; укрепление рабовладельческого базиса в Риме в связи с образованием империи; огромная роль политического строя поздней империи в развитии крепостнической системы и т.д.

Учебник вышел в свет еще до появления труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Особенно важно в этой связи расширить материал по экономике, совершенно недостаточно представленный в учебнике. Необходимо обратить особое внимание на выявление закономерностей исторического развития в древности. Очень важно выяснить место и роль простого товарного производства в античной экономике и его взаимоотношение с собственно натуральным хозяйством. Необходимо на всем протяжении истории античного общества тщательно проследить действие экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

В некоторых частях (особенно в разделе, посвященном истории Рима) учебник написан интересно и свежо. Мы найдем в нем ряд оригинальных мыслей и новых фактов, обычно не привлекавшихся в учебной литературе. Однако эти оригинальные мысли иногда выступают в виде необоснованных утверждений и рискованных гипотез, которые тем не менее высказываются в чрезвычайно догматической форме. Это в значительной мере снижает их ценность.

Распределение материала и структура учебника не однородны. Прежде всего бросается в глаза непропорциональность разделов: в то время как в третьем разделе 191 страница, в четвертом их 357, т. е. почти вдвое больше. Такое соотношение не соответствует ни действительному историческому содержанию каждого раздела, ни их удельному весу в истории человеческого общества, ни нашим учебным программам. Неслучайно на историю Греции (вместе с эллинизмом) и на историю Рима отводится в программе приблизительно одинаковое количество часов, и неслучайно существующие учебники по истории Греции и Рима имеют приблизительно одинаковый объем. Авторы «Истории древнего мира» резко порвали с этой традицией. В результате третий раздел по количеству материала оказался значительно беднее четвертого. Если в истории Греции некоторые главы требуют большого пополнения материалом (особенно главы XXXV—XXXVIII), то история Рима кое-где перегружена деталями, которые без ущерба могли бы быть устранены. Но рядом с этим и в четвертом разделе есть места, которые хотелось бы расширить. Так, например, недостаточно полно изложено государственное устройство Рима в III в. до н. э., слишком бегло обрисована организация итальянской федерации под властью Рима, чересчур кратко дана история восстания Сертория.

Третий раздел распадается только на главы, в то время как в четвертом, кроме глав, есть еще деление на четыре части. Вопрос о структуре учебника важен потому, что он тесно связан с периодизацией. Правильная периодизация исторического процесса

имеет огромное значение и в научном и методическом отношениях. Если в римской истории учебник как-то ставит проблему периодизации (хотя часто лишь внешним делением на части, посредством заголовков), то в истории Греции вопрос о периодизации полностью снят (только в отношении эгейской культуры сделана попытка археологической периодизации), и читатель вынужден строить периодизацию сам, опираясь на фактический материал, названия глав и отдельные замечания в тексте. Между тем именно в учебниках и учебных пособиях особенно важно дать четкую периодизацию исторического развития тех или иных стран, так как это значительно облегчает студентам усвоение учебного материала.

Источники и историография в каждом разделе объединены в одной главе (гл. XIX и XXXIX). Это едва ли можно признать методологически правильным. Например, глава XIX называется «Источники по истории древней Греции», а ее параграф 3 озаглавлен «Историография». Таким образом, историография нового и новейшего времени попадает в категорию источников! В этой главе вообще нет ясного понимания исторического источника; например, Ксенофонт отнесен к числу «первоисточников» (стр. 233).

В § 1 главы XXXIX мы встречаем странное утверждение: «... Знаменитый исторический труд Тита Ливия... представляет собой самый полный и лучший наш источник для ознакомления с древней римской летописью и с произведениями старых римских анналистов» (стр. 425). Как раз для первой декады Ливия определить его источники почти невозможно. Вероятнее всего, это были младшие анналисты. Но отсюда очень далеко до того, что по Ливию можно знакомиться с римской летописью и с анналистами.

Очерки по историографии страдают основным пороком: в историографическом очерке по Греции не сказано ни слова об огромном значении трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина для создания советской школы античной историографии. Общие методологические замечания «Введения» (стр. 3—9) ни в какой степени не могут пополнить этот пробел. Это тем более странно, что в разделах о первобытном обществе и о Риме содержится, правда, весьма краткая оценка вклада, внесенного трудами Ленина и Сталина в соответствующие разделы древней истории. Однако необходимо указать, что и в четвертом разделе следовало значительно более подробно охарактеризовать роль трудов Ленина и Сталина для историографии древнего Рима.

Очерк историографии Греции вообще содержит ряд пробелов. Например, в нем не упомянуты труды акад. А. И. Тюменева, которые в свое время сыграли значительную роль в формировании советской исторической школы, не названо важнейшее произведение М. С. Куторги «Афинская гражданская община по известиям эллинских историков».

Значение Фюстель де Куланжа не следовало подчеркивать (стр. 239), тем более, что его выступление против модернизации не дало сколько-нибудь существенного эффекта и проводилось, как вполне правильно указывает автор, с идеалистических позиций.

Историография Рима написана лучше, чем историография Греции: она полнее (следовало только добавить Роллена!); в ней более острой критике подвергнута буржуазная историография. Однако нельзя согласиться с тем, что в «Очерках истории римской империи»... Р. Ю. Виппера... дано прекрасное изображение экономических изменений...» (стр. 439). В свое время книга Виппера сыграла известную роль, но даже и тогда ее достоинства в значительной степени снижались благодаря модернизму автора и парадоксальности многих его утверждений. Объективистски охарактеризованы взгляды Виппера в начале нашего века; в учебнике они оцениваются эклектически: «Автор (т. е. Виппер.—С. К.) стоит на позициях, близких к историческому материализму, если отчасти и модернизирует прошлое, употребляя термины „римские магнаты“, „капиталисты“ и пр., то в совершенно обратном западным реакционным модернизаторам смысле, привлекая такие аналогии, несомненно неудачно, для разоблачения капитализма, а не реабилитации его господства (там же). Вряд ли такая критика взглядов Р. Ю. Виппера сможет показать студентам всю ошибочность его концепции, изложенной в цитированной книге.

Глава XXI носит название «Эгейская культура», глава XXII — «Древнейший быт и общественный строй греков. Микенская культура и гомеровское общество». Таким образом, в учебнике микенская культура отделена от критской и соединена с гомеровским обществом. Предложенное распределение, в сущности, является попыткой новой периодизации ранней эпохи греческой истории. В пользу ее можно привести то соображение, что мы более резко подчеркиваем греческий характер микенского общества и микенской культуры. С другой стороны, новая периодизация вызывает ряд сомнений. Во-первых, она игнорирует близость минойской и микенской культур и весьма вероятную близость общественного строя, лежащего в основе той и другой. Во-вторых, новая периодизация сближает гомеровскую эпоху с микенской. Общеизвестно, что в гомеровских поэмах много микенских элементов; но ведь не они же являются определяющими? Для гомеровского общества в целом характерен более низкий уровень социальных отношений и культуры, чем для общества микенского. Дорийское завоевание явилось некоторым скачком в историческом развитии. Периодизация, данная в учебнике, игнорирует этот скачок, хотя и из заголовка и из текста § 3 ясно видны качественные отличия гомеровской эпохи от предшествующей.

Глава XXI («Эгейская культура») содержит ряд рискованных положений. Откуда автор почерпнул сведения о резкой классовой дифференциации городского населения Кносса («В городе Кноссе ближе к центру стояли крупные дома, двухэтажные и с мезонинами, особняки знати; далее шли улицы с мелкими постройками, а на окраинах — целые кварталы лачуг и хижин» — стр. 250), если кносское поселение раскопано еще далеко не полностью? Автор уверенно заявляет, что «...и на Крите происходили иногда грозные народные восстания... Царские дворцы Кносса, Феста и другие были взяты и сожжены восставшим народом, и некоторое время на Крите правила более близкая к народу власть» (стр. 251). Все эти утверждения не обоснованы никакими фактическими данными. Абсолютно непонятно, в частности, заявление о «более близкой к народу власти». Столь же бездоказательно утверждение, что во главе Критского государства стояли ставленники аристократии, цари-первосвященники, носившие титул «Минос» (стр. 250).

В параграфе «Ранний греческий полис» вызывает недоумение следующее утверждение: «Полис обратился в город-государство, в котором родовая знать обращала все старые родовые учреждения в орудие своего господства» (стр. 263). Каким образом полис мог обратиться в город-государство, если полис и есть город-государство? Это звучит тем более странно, что на предыдущей странице автор замечает: «типичным явлением в общественном развитии Греции этого периода является образование полисов, „городов-государств“, объединявших вокруг себя сельскую округу и подчинивших ее себе» (стр. 262). К сожалению, в этом параграфе автором не использовано классическое описание афинского синокизма, данное Энгельсом. Поэтому процесс синокизма в Аттике остался абсолютно неясным.

Недостаточно четко указана в учебнике основная причина греческой колонизации VIII—VI вв. Эта неясность вызвана главным образом тем, что автор не положил в основу своего анализа известный тезис Маркса и Энгельса о принудительной эмиграции¹.

Говоря о Спарте, автору следовало более резко подчеркнуть, что военно-крепостнический строй Спарты окончательно сложился в связи со Второй мессенской войной. Сильное сомнение вызывают утверждения о количестве перизков (30 000 — стр. 274) и илотов (до 200 000, — там же). Откуда они взяты? Откуда известно, что илоты «прикреплялись по 7 семей к каждому из клеров» (там же)? Если стать на точку зрения автора и семь семей помножить на традиционную цифру 9000 клеров (стр. 273), то получится 63 000 илотских семей. Деля 200 000 илотов на 63 000, найдем, что каждая илотская семья в среднем состояла из трех человек, что мало вероятно.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

Период ликвидации остатков первобытно-общинного строя в передовых полисах Греции правильно показан как период революционный. Здесь можно сделать только несколько мелких замечаний. Для времени Солона нельзя так категорически говорить об организации и функциях народного собрания, как это сделано в учебнике (стр. 285—286). Реформу Клисфена лучше датировать 509—508 г. Среди мероприятий Клисфена следовало бы упомянуть об усилении демократических элементов путем включения в число граждан частично и метэков (Аристотель, Политика, III, 2, 10).

Серьезные возражения вызывает методологически важная глава XXVIII — «Расцвет рабовладельческого хозяйства в Греции». А ведь именно к этой главе следует предъявить повышенные требования. В главе прежде всего отсутствует характеристика греческого рабовладельческого хозяйства в целом. Эту характеристику ни в коем случае не может заменить набранная петитом критика взглядов К. Бюхера и Эд. Мейера (стр. 313). К тому же сама позиция автора, с которой он ведет эту критику, не совсем надежна, а критика далеко недостаточна. Он пишет: «Методологическая ошибка Бюхера заключается в том, что он взял одну сторону античного хозяйственного быта и игнорировал другую его сторону — частичное развитие товарного производства и денежного хозяйства в передовых полисах V—IV вв. до н. э.». Дело не в двух сторонах античной экономики, а в правильном, не бюхерианском, а марксистском понимании натурального хозяйства. Согласно этому пониманию, античное рабовладельческое хозяйство, как и все другие докапиталистические формы хозяйства, было натуральным, но не потому, что оно было замкнутым, а потому, что в нем рабочая сила не являлась товаром. Такое понимание натурального хозяйства не исключает широкого развития в нем простого товарного производства и денежного хозяйства, что мы и наблюдаем в развитых частях древнего мира.

Кроме того, в этой главе содержится ряд неправильных утверждений. Следует обратить внимание на модернизацию афинского мелкого ремесла. «Это мелкое производство, — пишет автор, — было ремесленным и кустарным, т. е. работающим на скупщиков» (стр. 307 сл.). Далее следует ссылка на известное место из Ксенофонта («Киропедия», VIII, 2, 5). Место очень спорное, не имеющее аналогий в других источниках и, конечно, совершенно недостаточное для того, чтобы доказать наличие в древней Греции кустарной промышленности. В этом вопросе наш автор оказался в одном лагере с Пёльманом, который использует Ксенофонта для этой же цели¹. На стр. 309 мы читаем: «В конце V в. до н. э. на Лаврионских рудниках работало около 20 тыс. рабов». Это цифра взята, конечно, из Фукидида (VII, 27). Но ведь у Фукидида речь идет не только о рабах, работавших в рудниках. Здесь же автор делает совершенно ненужное замечание о клейме хозяина керамической мастерской, как о «начале фабричной марки». Говоря о слабом развитии внутренней торговли в Греции (стр. 310), автор объясняет ее низкий уровень географическими условиями, забывая о том, что узость внутреннего рынка крылась в самой природе рабовладельческого хозяйства и что широкий внутренний рынок создается только при капитализме.

Эллинской культуре V—VI в. в учебнике уделено чересчур мало места, всего лишь 12 страниц (стр. 352—364). С некоторыми положениями автора этой главы нельзя согласиться. Так например, в главе неверно рисуется возникновение трагедии. Актер не выделялся из запевалы (стр. 354), а, по единогласному свидетельству традиции, был введен Феспидом во второй половине VI в. в Афинах. Введение актера и было тем «скачком», который означал рождение театра в собственном смысле слова. Нельзя согласиться и с характеристикой Эсхила. Автор пишет: «... Эсхил показывает неизбежность тяготеющей над людьми судьбы, являющейся, по его мнению, воплощением великих сил общественного развития» (стр. 355). У Эсхила действует не столько рок, сколько сила родового проклятия («Орестейя»). При всем величии Эсхила как художника едва ли он мог видеть «воплощение великих сил

¹ Р. Пёльман, История античного коммунизма и социализма, СПб., 1910, стр. 368.

общественного развития» в тяготеющем над человеком гнете. Называя софистов «яркими представителями афинской демократической культуры» (стр. 361), автор упрощает положение дел. Нельзя забывать, что софист Критий был главой олигархического движения и что олигархи не только пользовались «приемами и методами софистов, чтобы бороться с ними их же оружием» (там же), но и сами частично являлись софистами. Софистика была очень сложным течением, и ее второй этап («младшие софисты») уже отражал начавшееся разложение демократии. Отсюда ее двойственный и противоречивый характер.

События, связанные с кризисом IV в., изложены правильно, но, что самое важное, в учебнике не вскрыто самое существо кризиса, если не считать единственной фразы: «Изжившая себя, устаревшая полисная система явно задерживала и тормозила развитие производительных сил страны» (стр. 370). Необходимо было конкретно показать, в чем выражался рост производительных сил и как его тормозила полисная система.

Четыре последние главы раздела посвящены эллинистической эпохе. Это самая слабая часть учебника. Прежде всего неправильна ее структура. XXXV глава называется «Греция в эллинистическую эпоху», а характеристика эллинизма дана только в XXXVI главе («Эллинистические государства»). Таким образом, эллинистическая Греция оказывается вне рамок эллинизма! Излишне доказывать, насколько это неверно методологически. К тому же автор этих глав противоречит сам себе, заявляя: «Эллинистический мир охватывал все культурное человечество Старого света» (стр. 408). Хотя это утверждение и неправильно, о чем я скажу ниже, но из него следует, что Греция, во всяком случае, входила в сферу эллинизма! Весь период эллинизма, включая Северное Причерноморье, занимает всего 32 страницы. Это смехотворно мало. Определение эллинизма неполно и односторонне: «Эллинизм представляет собою дальнейший, высший этап рабовладельческой формации, на котором развитые формы греческого рабовладельческого строя распространились на обширные области Востока, а восточные страны, включившись в сферу Средиземноморской античной культуры, со своей стороны внесли в нее свои достижения» (стр. 387). Это определение опять-таки противоречит вышеприведенному заявлению.

Характеризуя царство Птолемеев, автор заявляет: «весь правящий аппарат состоял из греков и македонян... Вся система управления превращала коренных жителей в угнетенный, эксплуатируемый слой» (стр. 389). Если говорить обо всем периоде эллинизма в Египте, это утверждение неверно, так как с конца III в. начинается проникновение туземных египетских элементов и в армию, и в бюрократический аппарат. Происходит в известной степени сращивание греко-македонского и египетского элементов в правящей верхушке Птолемеевского Египта. Это признает в другом месте сам автор (стр. 387).

Проблема непосредственных производителей эллинистической эпохи, в частности в Египте, очень сложна и до сих пор полностью не решена советской наукой. Но уж лучше не приводить никакого решения, чем давать то, которое мы находим в учебнике: «Рабский труд... продолжал оставаться основой экономической жизни. Но широко использовался также труд полусвободных производителей (вольноотпущенников и прикрепленных к производствам свободных рабочих). Это объясняется прежде всего кризисом рабского способа производства» (стр. 392). Здесь почти каждое слово вызывает недоумение. Как совместить утверждение, что «рабский труд продолжал оставаться основой экономической жизни», с тезисом о широком использовании труда «полусвободных производителей»? Как «свободные рабочие» могут быть «прикреплены к производствам»? Уместно ли вообще применять термин «рабочие» к рабовладельческому обществу? Почему вольноотпущенники отнесены в число полусвободных производителей? Можно ли говорить о кризисе рабского способа производства в эллинистическую эпоху, если «эллинизм представляет собою дальнейший, высший этап рабовладельческой формации» (стр. 387).

Выше отмечалось чрезвычайно широкое понимание эллинизма в учебнике; автор утверждает, что «... даже Китай, правда, лишь в слабой степени, подвергся эллинистическому влиянию» (стр. 408). Помимо того, что такое понимание противоречит

определению, данному на стр. 387, где эллинизм ограничивается «обширными областями Востока», оно неверно само по себе. Во-первых, оно смешивает эллинистическую эпоху, как этап рабовладельческой формации, с эллинистической культурой. Во-вторых, оно настолько широко, что в нем действительно растворяется весь «Старый свет». Таким образом, и римский период тоже является эллинистическим. Наконец, последнее замечание. Если эллинизм появился в результате кризиса полисной системы (стр. 370), то как совместить с этим утверждение учебника о дальнейшем развитии и укреплении полисов во всем Средиземноморье (стр. 409)?

Таким образом, главы III раздела, посвященные эллинизму, во-первых, непропорционально малы по объему, во-вторых, неправильно построены и, в-третьих, содержат ряд неверных и внутренние противоречивых утверждений.

Древнейший период истории Рима написан интересно, но как раз изложение этого периода больше всего страдает тем недостатком, о котором упоминалось в начале рецензии: автор злоупотребляет смелыми гипотезами, которые он выдает за непререкаемую истину. В учебнике нужно быть особенно осторожным в этом отношении, давая только то, что твердо установлено наукой; в противном же случае оговаривать, что это только предположение. Нельзя согласиться с трактовкой в учебнике так называемого «этрусского периода» в истории Рима. «Лациум и Рим,— читаем мы на стр. 461,— несомненно, были покорены этрусками уже в VII в., и господство этрусков продолжалось здесь не менее 150 лет». В таком же категорическом, не допускающем никаких сомнений тоне изложение ведется и дальше. Превращение группы деревень («Велии») в город Рим также было обязано этрускому завоеванию: «Старые деревни на семи римских холмах были ими (этрусками.— С. К.) объединены ок. 600 г. в единый город (*urbs*) этрусского типа» (там же). Этрусски впервые стали чеканить римскую монету, обнесли город стенами, провели канализацию, построили цирк. От этрусков римляне заимствовали свой костюм, форму жилища, знаки отличия должностных лиц, гадания, систему обозначения чисел и т. д. и т. д. Даже реформа Сервия Туллия, имевшая такое огромное значение в истории Рима, была произведена под этруским влиянием (стр. 461—464). Чрезвычайная переоценка этрусского влияния в древнейшем Риме типична для современной буржуазной литературы¹, но она совершенно недопустима в советском учебнике. Принимая, что римский полис был созданием этрусков-завоевателей, мы не сможем объяснить, как в таком случае мог сохраниться и развиваться латинский язык², как могла сложиться римская народность, как и когда город-государство «этрусского типа» превратился в римский город-государство. Гипотеза этрусского завоевания в той крайней форме, какая ей придана в учебнике, не опирается на факты и является плодом не критического отношения к буржуазным концепциям о «благодетельности» завоеваний (стр. 462) и т. п.

Автором хорошо показано тяжелое внешнее положение Рима в V в.; этим положением объясняется в книге последовательно проведенная военизация всего римского общественного строя и быта. Эта мысль интересна и может быть принята. Однако совершенно непонятно, почему Римская республика уже в начале V в. должна была «в принципе... представлять собой рабовладельческую демократию» (стр. 476). Ведь нам абсолютно ничего неизвестно о принципах государственного устройства Рима в V в. Сам автор оценивает это устройство как аристократическое. Римский демократический строй даже «в принципе» мог сложиться, во всяком случае, не раньше окончания борьбы плебеев с патрициями, т. е. не раньше III в. Здесь автор, очевидно, переносит на несколько столетий назад государственное устройство Рима значительно более позднего времени.

¹ В частности, Корнеману принадлежит мысль о том, что Рим превратился в государство только благодаря этрускому господству (E. Kornemann, *Römische Geschichte*, I, Stuttg., 1938, стр. 63 сл.)

² Древнейшие римские надписи конца VI—начала V вв.— надписи на латинском языке.

Изложение сословной борьбы в некоторых местах страдает излишней категоричностью суждений. Наша традиция упоминает только о двух сецессиях плебеев в точном смысле слова: в 494 и 449 гг.; остальные волнения плебса обычно не называются сецессиями. Учебник насчитывает их не меньше четырех, и притом изображает по одному и тому же типу, с деталями, которые едва ли можно считать достоверными (стр. 479 сл.).

В книге хорошо изложены события, связанные с образованием Римской средиземноморской рабовладельческой державы. Здесь, однако, преувеличена роль Рима в восточных делах в начале II в.

Впрочем в этом виноваты не только авторы и редакторы «Истории древнего мира», но и все мы, советские античники.

Серьезным пороком глав, говорящих о римской рабовладельческой экономике периода расцвета, следует считать то, что они оставляют совершенно в стороне вопросы развития ремесла и торговли.

Неровно написана центральная часть всего раздела — «Социальная борьба в Риме во II и I вв. до н. э. и крушение римского республиканского строя». Наряду с правильными методологическими положениями и точным изложением фактов мы встречаем упрощенство и модернизацию, односторонний подбор материала, необоснованные утверждения. Серьезные пробелы и ошибки имеются в изложении восстания Аристоника. Остается совершенно неясной обстановка в Пергамском царстве, вызвавшая восстание. Из текста учебника: «восстание Аристоника вспыхнуло в 132 г. в Пергаме, только что ставшем римской „провинцией Азией“» (стр. 573), можно сделать вывод, что превращение Пергама в римскую провинцию и послужило причиной восстания, тогда как дело, как известно, обстояло наоборот. Поэтому читателю остаются непонятными мотивы пресловутого заведения Аттала III. Неверно изображаются и конец восстания (стр. 574): вопреки утверждению учебника, поражение Аристоника на море произошло в начале восстания, а не в конце его, что ясно видно из слов Страбона:

«Разбитый эфесцами в морском сражении при Киме, он бежал из Левк во внутренние области страны и быстро собрал большое количество неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе» (XIV, 646).

Главы, в которых повествуется о важнейших событиях последнего столетия Республики: диктатуре Суллы, восстании Спартака, заговоре Катилины, — страдают одним общим недостатком: значительным преувеличением и модернизацией демократического движения.

По мнению автора раздела, демократическое движение 80-х гг. I в. должно было создать из Римской республики новое демократическое государство: «Законопроект Сулпияция, — читаем мы, — вместе с тем представлял собой конституционную реформу огромного значения» (стр. 599). «В общем все это представляло собой решающий политический переворот» (стр. 600). «Демократическая программа этого времени приобрела особенно радикальный характер: вожди популяров не только провозглашали основным лозунгом народной партии полное уравнивание в правах всех италиков, но готовы были на освобождение и включение в состав римского гражданства также большого количества примкнувших к ним рабов, конечно, вовсе не намереваясь ликвидировать рабство как таковое» (стр. 602). «Народная партия в этом время приобрела особо демократический состав: пастухи, сельскохозяйственные батраки, низовые элементы союзных городов и Рима... составляли ее основную массу» (стр. 603). «Общественная земля отбиралась у богатых и широко распределялась среди старых и новых граждан» (стр. 604). «Вся общественная жизнь населения Италии подверглась коренному переустройству» (там же). Все это — фантазии или, в лучшем случае, огромное преувеличение. Откуда автору известно о составе народной партии? Откуда он знает, что земля отбиралась у богатых? Из того, что Марий и Цинна набирали отряды из рабов, вовсе не следует, что вожди популяров намеревались дать им права римских граждан. Разве мало нам известно случаев, когда борющиеся в Греции и в Риме партии привлекали на свою сторону рабов обещанием свободы, а потом нарушали это

обещание? Расправа Цинны с рабами, о которой рассказывает Аппиан (I, 74), служит прекрасным подтверждением этого. К тому же и предоставление гражданских прав кое-каким рабам не обязательно означало бы радикальную демократизацию и коренное переустройство общественной жизни.

Предвзятая точка зрения автора на демократическое движение начала I в. заставляет его закрывать глаза на многие факты. Так, избиение Суллой марийцев называется «диким военным погромом», в то время как столь же дикое пятидневное истребление Марием сулланцев в июне 87 г. всячески смягчается (стр. 603). Диктатура Суллы характеризуется только как «террористический режим победившей военщины и вступивших с ней в тесный союз римских непримиримых реакционеров» (стр. 608). Что сулланский режим был режимом беспощадной военной диктатуры, направленной против революционно-демократического движения, это бесспорно. Однако нельзя забывать о том, что некоторые мероприятия Суллы в той или иной мере содействовали, несомненно, прогрессивному перерастанию римского полиса в империю и давали больший простор развитию производительных сил. Говоря об отмене демократической партии сулланской конституции в 70 г., автор замечает: «Очень характерно, что одновременно вновь были восстановлены и откупы в Азии, уничтоженные Суллой» (стр. 624). Но почему о попытке отмены откупной системы Суллой, меры, несомненно, прогрессивной, не сказано в своем месте? Очевидно, потому, что это испортило бы односторонний портрет Суллы, набросанный на стр. 608—610.

Демократическое движение 80-х гг. было обрисовано такими чертами, что, казалось бы, ему некуда развиваться дальше. Однако ниже мы читаем: «В 60-х годах... римская демократическая партия выступала более организованно и с особо широкой и радикальной программой» (разрядка автора на стр. 624.— *С. К.*). Программа руководимого Катилиной... левого крыла римской демократической партии... состояла из требования кассации долгов, проведения закона о наделении земель и демократизации римского государственного устройства» (стр. 629). Это также сильно преувеличено. Единственный твердый пункт, который можно установить в программе Катилины, это — кассация долгов, лозунг, за которым шли не только разоренные крестьяне и ремесленники, но и разорившиеся нобили. Это создавало довольно широкую, но, вместе с тем, и непрочную благодаря своей пестроте социальную базу всего движения. Ни о какой организованности движения не может быть и речи. Об этом ярко свидетельствует хотя бы полная беспомощность и крайняя неустойчивость народной массы в Риме после ареста Лептула и других. Автор произвольно и неправильно интерпретирует письмо Маркса к Энгельсу от 19 августа 1865 г. (Соч., т. XXIII, стр. 305; стр. 633 учебника). Только очень большим желанием изобразить Катилину революционером можно объяснить те натяжки, которые допускает автор в толковании слов Маркса. Из того, что Энгельс назвал Цидерона «низкой канальей»¹, еще не следует, что Катилина был революционером (стр. 633).

Серьезная ошибка учебника в освещении демократического движения I в. состоит в том, что, помимо бессознательного желания модернизировать его, автор забывает о прогрессирующем деклассировании италийских мелких собственников. Это, несмотря на общее обострение классовой борьбы, влекло за собой идейно-политическое и организационное разложение римской и италийской демократии.

Модернизация есть и в освещении крупнейшего движения периода гражданских войн — восстания италийских рабов под руководством Спартака. Эта модернизация выражается в стремлении приписать Спартаку продуманный и последовательно проводимый с самого начала план уничтожения рабовладельческого Рима. «Несомненно,— говорится в учебнике,— правильное будет не придавать значения произвольным домыслам Плутарха (о намерении Спартака вывести рабов из Италии,— *С. К.*)

¹ См. его письмо к Марксу от 17 марта 1851 г.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 173.

и признать, что план Спартака был един с самого начала и был направлен к осуществлению плана всего тогдашнего революционного движения: разгромить и уничтожить город Рим, как главный центр рабовладения, как виновника всех безмерных бед того времени» (стр. 621). Однако о плане Спартака вывести рабов из Италии говорит не один Плутарх, но и второй наш основной источник—Аппиан: «Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда — к кельтам» (I, 117). О походе Спартака в Цизальпинскую Галлию упоминают также Ливий (epitome XCVI) и Флор (II, 8). С какой же целью Спартак мог двинуться в Цизальпинскую Галлию? Автор полагает, что это делалось для того, чтобы создать себе «продовольственную базу и защищенный тыл в Цизальпинской Галлии» (стр. 621). Но смешно думать о прочном тыле в Цизальпинской Галлии, населенной римскими колонистами, с малым количеством рабов. Поход в Галлию понятен только в том случае, если мы допустим, что первоначальный план Спартака действительно состоял в выводе рабов за границы Италии.

Всяким попыткам модернизировать движения рабов, преувеличивать их сознательность и целеустремленность, их революционную выдержку следует противопоставить слова В. И. Ленина: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»¹. Только пролетариат является последовательно революционным классом, способным ставить себе сознательные цели, вести планомерно организованную борьбу и достигнуть победы. Стремление преувеличивать сознательность и организованность движений рабов и их вождей (хотя среди последних и были такие исключительные люди, как Спартак), изображать их по образу и подобию пролетариата всегда будет модернизацией, опасной методологически и политически, вне зависимости от того, какими побуждениями руководствуется это стремление.

Изложение периода Римской империи дано в учебнике лучше, чем другие разделы. Автор правильно начинает историю Римской империи с Цезаря и удачно характеризует переход от империи Цезаря к принципату Августа: «Таким образом, Цезарю не удалось довершить свое дело до конца и закрепить созданный им военно-монархический „императорский“ режим в Риме. Но прежний республиканский строй был им разрушен так основательно, что новое возрождение его, как то произошло после смерти Суллы, стало уже невозможно. Поэтому Цезаря и надлежит считать основателем Римской империи, хотя его преемникам еще долго придется бороться за полное осуществление намеренного им во всех основных чертах нового политического строя» (стр. 647). Интересна мысль о превращении «солдатской диктатуры» Октавиана в «военно-рабовладельческую диктатуру» Августа (стр. 659—663). Однако мне кажется преувеличенным «грандиозный военный погром» 43 г., «в результате которого большая часть земель и имуществ Италии переменяли своих владельцев» (стр. 652). Автор рисует здесь настоящую аграрную революцию, которой в действительности не было. Хорошо сказано о паннонском и германском восстаниях 6—9 гг., что «эти два страшных удара со стороны авангардных частей грандиозного варварского мира были первыми предвестниками будущей борьбы, в которой должен был погибнуть старый рабовладельческий общественный строй» (стр. 669). Автор правильно объединил в одной главе римскую культуру конца республики и времени принципата Августа. При всем различии обоих периодов культуру принципата можно понять только в связи с духовной жизнью римского общества предшествующего периода.

Период правления Юлиев — Клавдиев, гражданских войн 68—69 гг. и время Флавиев охарактеризованы в учебнике правильно. Вызывает сомнение характеристика деятельности Антонинов, которые, по мнению автора, стремились завершить «дело перестройки Римского государства в неограниченную монархию нового типа» (стр. 715).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

Термин «монархия нового типа»; на котором настаивает автор (ср. также стр. 708), лишен в учебнике конкретного содержания, если не говорить о расширении социальной базы империи и на провинциальных рабовладельцев. Однако одного этого признака недостаточно для того, чтобы говорить о «новом типе» монархии. Дальнейшее обоснование этого термина в учебнике отсутствует. Нельзя также согласиться с утверждением, что Траян только продолжал «энергичную внешнюю политику Флавиев, оборонительную в основе...» (стр. 717). Во внешней политике Траяна есть качественное отличие от политики его предшественников в смысле попытки перехода к открытой агрессии. Попытка Антонинов построить сколько-нибудь прочную и долговременную неограниченную монархию на базе всего Средиземноморья в условиях рабовладельческого строя, конечно, не могла удалиться. Обострившиеся внутренние и внешние противоречия привели к кризису всей рабовладельческой системы. Автор последней части учебника прав, когда датирует начало этого кризиса 60-ми годами II в. (стр. 724—727).

В вопросе о происхождении христианства (гл. XIII, 2) автор в основном стоит на позициях советской исторической науки. Однако нельзя объединять в одно явление иудейский и христианский мессианизм I—II вв. (стр. 738). В Иудее мессианизм был религиозной формой народно-освободительного движения, тогда как христианский мессианизм не носил такого характера. Эта ошибка связана с другой: автор следует христианской традиции в вопросе о месте возникновения новой религии (стр. 740). Этой традиции нанес сокрушительный удар еще Бруно Бауэр, и мы присоединяемся к нему, считая, что христианство возникло среди иудеев диаспоры, а не Палестины. Учебник утверждает, что в евангелии «от Луки» больше примиренческих мотивов, чем в первых двух. Это неверно: как раз у Луки больше всего антисобственнических и бунтарских выпадов. Именно у Луки встречается первоначальная формула «блаженны нищие» (6, 20), тогда как у Матфея она выступает в искаженном виде: «Блаженны нищие духом» (5, 3).

Последняя глава учебника — «Кризис III в. и поздняя Римская империя» слишком мала: на протяжении 23 страниц излагаются события мирового значения трех столетий. Трактовка кризиса III в. мне представляется правильной. Интересно, между прочим, объяснение движения 238 г. в Северной Африке как большого восстания колонов, «которое использовали крупные землевладельцы, чтобы острее его направить против ненавистного им императора Максимиана и поддержать их кандидата на императорский трон Гордиана I» (стр. 750). Социальную основу домината автор правильно усматривает в крупном землевладении, усилившемся во время кризиса III в. за счет мелкого и среднего землевладения. В начале рецензии мною было указано, что период домината не использован в качестве прекрасной иллюстрации активного влияния политической надстройки на базис (см. стр. 92). Последняя глава учебника, к сожалению, совершенно не ставит проблемы перехода рабовладельческой формации в феодальную, ограничиваясь здесь одной неясной фразой: «Народные движения конца Римской империи еще мало изучены, но все же можно заметить их повсеместное усиление и превращение в настоящую революцию» (стр. 764).

Из многочисленных более частных недочетов и ошибок учебника стоит отметить следующие: время жизни Гесиода следует датировать не началом VIII в. (стр. 236, 414), а концом этого века, во всяком случае, поскольку речь идет о «Трудах и днях». Корнелий Непот — автор не «многих биографий» (стр. 428) римских деятелей, а только двух — Аттики и Катона Старшего, а не Младшего, как ошибочно сказано на той же странице. Говоря о восстании Ионии против персов (стр. 296), автор должен был, хотя бы в нескольких словах, обрисовать положение малоазийских греков под персидским гнетом, а также объяснить, почему целоппонесские корабли в 478 г. покинули союзный флот (стр. 305). Пирей отстоял от Афин не на 11, а на 8 км (стр. 311). Спорно, предназначался ли теорикон на покупку мест в театре (стр. 330). Доступ в афинский театр для граждан, вероятно, был свободный.

Весьма дискуссионно заявление, что древняя Велия получила позже название «Рим» (стр. 450). Кажется, нет никаких данных, которые заставили бы нас заменить старую гипотезу о Палатине, как древнейшем центре Рима, на гипотезу о Велии. Так

же бездоказательны утверждения о существовании на Авентине древней лигурийской деревни кассиев и о наличии родовых кладбищ по склонам римских холмов и в долине позднейшего форума (там же). Едва ли можно так определенно приписывать началу V в. формы организации центуриатных комиций, как это формулируется на стр. 473 сл. Не объяснено в учебнике, почему преторов было двое (стр. 474). Не ясен и порядок назначения новых сенаторов (стр. 476). По предлагаемой автором схеме число сенаторов должно было очень скоро превысить установленную норму (ср. также стр. 491). Район Авентина не мог быть «портовым» (стр. 479) в первой половине V в., так как он стал заселяться, самое раннее, с середины этого столетия (закон Ицилия 456 г.). Опечаткой является перевод *ver sacrum* как «священной войны» (стр. 492 и 494). Кличку вождя сицилийских рабов «Еви» более точно переводить «Благосклонный», а не «Хороший» (стр. 571). Тиберий Грахх был избран народным трибуном не в 133 году, а на 133 г. (стр. 579). Сомнительно, принадлежал ли закон 111 г. Торию (стр. 585). Едва ли возможно относить тевтонов к галлам и гельветам (стр. 589).

По поводу истории Союзнической войны можно сделать Четыре возражения фактического порядка; во-первых, мы не знаем названия тайного общества италиков, «Италией», повидимому, назывался Корфиний (стр. 594); во-вторых, изображение вола на монетах восставших италиков, вероятно, имеет тотемическое происхождение; в-третьих, остатки армии П. Рутилия Лупа не были уничтожены самнитами, Марию удалось их спасти; в-четвертых, нам ничего неизвестно о тесной связи Митридата с восставшими италиками (стр. 595).

Неизвестно, на каком основании автор утверждает, что прорыв Спартака через линию укреплений Красса произошел в «декабрьскую ночь» (стр. 622). Плутарх («Красса», 10) говорит только о «снежной и бурной ночи». Лукулл и Помпей выступили на помощь Крассу несколько позднее. Темный вопрос о ссылке Овидия автор решает настолько безапелляционно, что приводит даже фразу из «грозного приказа самого Августа» (стр. 684). Прозвище *Pius* было дано Антонину не за то, что он считался «идеальным типом монарха» (стр. 723), а за то, что он настоял на обожествлении Адриана.

Таким образом, для того чтобы III и IV разделы учебника во всех своих частях могли стать полезным пособием для советского студенчества, их необходимо переработать и дополнить в указанных выше направлениях.

Проф. С. И. Ковалев

А. Я. БРЮСОВ, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., Изд. АН СССР, 1952, 260 стр., 68 рис., тираж 3000 экз., цена 15 руб. 50 коп.

Рецензируемая книга является первым обобщением исследований эпохи неолита и бронзы в европейской части СССР и впервые подводит итог этих исследований за советский период. Вместе с тем эта работа представляет также первый опыт восстановления истории племен, населявших европейскую часть СССР в эпоху первобытно-общинного строя в IV—II тысячелетиях до н. э. А. Я. Брюсов выполнил большую трудоемкую работу по изучению археологического материала и литературы, рассеянной в значительной своей части в виде статей, заметок и отчетов в различных археологических изданиях. Подчеркивая многообразное значение археологических данных для воссоздания истории общества в неолитическую эпоху, для выяснения исторических событий, происходивших в далеком прошлом нашей Родины, автор приходит к ряду интересных выводов, высказывает различного рода соображения и выдвигает много новых положений. А. Я. Брюсов не ставит перед собой задачу полностью разрешить поставленные им вопросы. Значительная часть их еще нуждается в тщательном ана-